

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СТРАТЕГИИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сергей Геннадьевич Маричев^{1✉}, Ильдар Узбекович Зулькарнай²

^{1, 2} Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Сергей Геннадьевич Маричев, prophet314@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу процессов трансформации международного взаимодействия в сфере внешней торговли и технологического обмена в условиях глобализации. Раскрыты механизмы перехода стран от глобальной интеграции к частичной технологической независимости, обусловленной политическими и экономическими вызовами. Особое внимание уделено концепциям протекционизма и промышленной политики как инструментам достижения конкурентоспособности и инновационного развития. Проанализированы кейсы ведущих экономик, демонстрирующие баланс между технологической взаимозависимостью и стремлением к автономности в стратегических отраслях. Сделан вывод о необходимости селективного подхода в регулировании международных экономических отношений и технологического сотрудничества.

Ключевые слова: протекционизм, промышленная политика, мировая торговля, технологические цепочки, технологии, экспорт, регионы

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00571-25-00 на 2025 г. и на плановый период 2026 г. и 2027 г.

Для цитирования: Маричев С. Г., Зулькарнай И. У. Технологическая независимость в условиях глобализации: стратегии, вызовы и перспективы // Развитие территорий. 2025. № 4. С. 44—53. EDN JLNCJT.

State and civil society, ideology and politics

Original article

TECHNOLOGICAL INDEPENDENCE IN GLOBALIZATION: STRATEGIES, CHALLENGES AND PROSPECTS

Sergey G. Marichev^{1✉}, Ildar U. Zulkarnay²

^{1, 2} Institute of Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Corresponding author: Sergey G. Marichev, prophet314@gmail.com

Abstract. This article analyzes the transformation of international interactions in foreign trade and technology exchange under globalization. It explores the mechanisms by which countries transition from global integration to partial technological independence, driven by political and economic challenges. Particular attention is paid to the concepts of protectionism and industrial policy as tools for achieving competitiveness and innovative development. The article analyzes cases of leading economies demonstrating a balance between technological interdependence and the desire for autonomy in strategic sectors. It concludes that a selective approach to regulating international economic relations and technological cooperation is necessary.

Keywords: protectionism, industrial policy, world trade, technological chains, technologies, export, regions

Acknowledgments: This study was conducted as part of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences' state assignment No. 075-00571-25-00 for 2025 and the planning period of 2026 and 2027.

For citation: Marichev S.G., Zulkarnay I.U. Technological Independence in Globalization: Strategies, Challenges and Prospects. *Territory Development. 2025;(4):44—53.* (In Russ.). <https://elibrary.ru/jlncjt>.

Несмотря на свою историческую значимость и влияние на экономическую политику ряда стран, протекционизм подвергался и подвергается значительной критике со стороны глобалистов и сторонников фритредерства [1]. Считается, что, хотя временная защита и дает старт «молодым» отраслям, часто государства не способны адекватно определить момент, когда отрасль готова к конкуренции на мировом рынке. В результате меры протекционизма могут сохраняться дольше необходимого, что приводит к закрепощению отраслей и утрате конкурентоспособности [2].

Такую критику можно назвать справедливой, поскольку часто защита национальной промышленности посредством тарифов и субсидий оборачивается сохранением и консервацией неэффективных секторов экономики, которые без государственной поддержки не смогли бы конкурировать на мировом рынке. Это искажает естественные механизмы рынка и тормозит инновационные процессы [3]. Впрочем, именно эту проблему решить достаточно просто — нужно лишь отойти от «секторального» протекционизма к точечному, т. е. отбирать не только перспективные и конкурентоспособные отрасли экономики, но и конкретные предприятия для адресной государственной поддержки.

Существует опасность того, что предприятия, привыкшие к государственной поддержке, теряют стимулы к инновационным инвестициям и повышению своей эффективности. Это приводит к «ловушке протекционизма», когда отрасли становятся зависимыми от субсидий и тарифов, а процесс перехода к свободной конкуренции оказывается крайне болезненным [4].

Кроме того, активное участие государства в экономике часто сопровождается бюрократическими проволочками, коррупцией, ангажированностью и ошибками в выборе приоритетных отраслей, которые могут привести к нерациональному использованию ресурсов. Практика показала, что протекционистские меры намного легче начать, чем закончить, успешная отрасль порождает мощные лоббистские группы, нацеленные на бесконечную пролонгацию мер поддержки. А это, в свою очередь, может привести к монополизации и картелизации экономики [5]. Данная проблема особенно актуальна в контексте применения протекционизма в России.

Однако наиболее существенной является проблема торговых ограничений в условиях

глобализации — развитым странам с большим торговым балансом сложно применять жесткие протекционистские меры, так как они могут вызвать ответные меры со стороны торговых партнеров, привести к торговым войнам и ограничить доступ к передовым технологиям. Гораздо безопаснее создавать условия для частных инвестиций в НИОКР, нежели осуществлять постоянное вмешательство государства.

В 2022 г. доля мировой торговли в мировом ВВП составила 96 % против 55 % в 1970 г. Более 50 % торгуемых объемов составляет не готовая продукция, а сырье и материалы. В рамках такой динамики приоритетными с точки зрения государственного регулирования торговли становятся интересы экспортеров, создающих конкурентоспособную продукцию. Остальные же отрасли вынуждены конкурировать с импортными товарами и оставаться в зависимости от импортируемых ресурсов.

В такой ситуации выигрывают страны, имеющие диверсифицированный и конкурентоспособный экспорт и, соответственно, сильный внутренний рынок. К таким странам можно отнести страны Юго-Восточной Азии, которые в последние десятилетия планомерно снижали тарифные барьеры как на рынках внутреннего экономического блока АСЕАН, так и на мировых рынках. В целом западные развитые страны и стремительно развивающиеся страны Азии практически поменялись местами: пока Европа и США вводят новые протекционистские меры, защищающие внутренний рынок, Япония, Тайвань, Южная Корея и Китай либерализируют свою торговлю. Протекционизм западных стран объясним. Например, из-за китайского импорта за 1994—2007 гг. занятость в обрабатывающем секторе США снизилась более чем на 25 % [6].

На фоне такого переформатирования мировой торговли все более дискуссионной становится роль ВТО как международного торгового арбитра. Не затрагивая внутренний кризис организации, необходимо сконцентрироваться на кризисе идеи свободной торговли. Согласно нормам ВТО, регулировать экспорт и импорт можно только при помощи таможенных пошлин и налогообложения: путем квотирования или через санитарные и технологические барьеры. До 2022 г. около 50 % всего объема торгуемых товаров не облагалось пошлинами, на 30 % действовали 5 %-е пошлины, чуть менее 1 % товаров облагались 30 %-ми пошлинами. И лишь 30 %

товаров не были затронуты никакими ограничениями. Это свидетельствует о том, что страны широко используют нетарифный протекционистский инструментарий для защиты внутреннего рынка. А торговая война между США и Китаем за обеспечение технологического лидерства показала, что крупные страны часто совершенно не готовы уравнивать условия для импорта по отношению к внутренним производителям. В условиях торговых войн и глобальной конкуренции США и Китай используют сочетание механизмов свободной торговли и целевых протекционистских мер (закон о чипах и науке в США (CHIPS & Science Act), программа «Made in China 2025» в Китае). Это позволяет им одновременно стимулировать внутренние инновации и бороться с внешними угрозами. Кроме того, как показывает история, глобальные (да и локальные) кризисы, вызывающие всплеск уровня безработицы, требуют прямой поддержки государством своих производителей и усиления протекционизма.

Другой проблемой фритредерства является «глокализация», т. е. усиление локальных особенностей и защиты интересов, связанных на локальных отличиях, при сохранении общего тренда на международную интеграцию. В части торговли глокализация отчасти выражается через создание региональных торгово-экономических блоков (ШОС, БРИКС, ЕАЭС, АСЕАН, Евросоюз, АТЭС, МЕРКОСУР и др.). Такие региональные объединения снижают эффективность ВТО, используя свободу торговли, но более эффективно защищают национальные интересы в определенных экономических отраслях. Например, представители Ирана (страна не является полноправным членом ВТО, имеет статус наблюдателя) заявили, что членство в БРИКС, ШОС, ЕАЭС полностью удовлетворяет потребности страны на региональном и мировом рынках.

Таким образом, каждая страна реализует протекционизм в той или иной форме, зависящей от ее экономических потребностей и силы внутреннего рынка, а также от реализуемой политики в отношении развития и повышения конкурентоспособности собственных производств [7].

Вопрос необходимости защиты национальной экономики неразрывно связан с темой промышленной политики как некого набора решений и действий, осуществляемых государством для поддержания определенных экономических отраслей. Несмотря на то что

существуют и другие инструменты воздействия государства на бизнес (национализация, приватизация, налоги, антимонопольное законодательство и т. д.), промышленная политика является одной из наиболее распространенных форм в контексте экономического роста и повышения конкурентоспособности экономики.

Развитые страны Запада и азиатские страны, осуществившие «азиатское чудо», поддерживая конкурентоспособные отрасли, развивая/восстанавливая промышленность и поддерживая уровень занятости и вместе с этим табуируя «промышленную политику», реализовывали именно ее. И в настоящее время, в момент торговых войн и растущей глокализации торговли, промышленная политика рассматривается как эффективный инструмент протекционизма и государственного вмешательства в национальную экономику, и она может быть реализована в разных формах и преследовать разные цели.

Существуют различные классификации промышленной политики (в зависимости от степени государственного вмешательства, объекта воздействия, самих целей промышленной политики и методов реализации) [8—10].

В обобщенном виде выделяются следующие модели промышленной политики:

— ускорение: выделение среди существующих экономических отраслей тех, которые могут выступить в качестве драйвера роста и быть конкурентными на международных рынках (например, производство джута в Бангладеше, лесная отрасль в Финляндии, сектор Национальной технологической инициативы (НТИ) в Японии и Южной Корее);

— адаптация: поддержка угасающих отраслей, которые могут быть модернизированы (автомобильная промышленность в России, текстильная промышленность в Германии);

— целеполагание: создание и развитие отраслей экономики (как правило, высокотехнологичных), которые бы стали драйвером для всей экономики (электронная промышленность в Южной Корее, Японии и Сингапуре);

— планирование и программирование: разработка комплексных планов и программ социально-экономического развития с учетом конкурентных и сравнительных преимуществ страны/региона.

Мировой опыт показывает, что какая бы модель (либо их сочетание) промышленной политики ни реализовывалась, ключевым условием является ориентир на производство

конкурентоспособной экспортируемой продукции, а не на импортозамещение.

Безусловно, промышленная политика имеет преимущества и недостатки (таблица). Так, целенаправленная поддержка стратегических отраслей может способствовать росту и инновациям, но она же несет потенциальные риски в виде искажения рыночных сигналов

и неэффективного распределения ресурсов [11]. Что касается опыта азиатских стран, то, несмотря на государственную поддержку, сыгравшую ключевую роль в быстром экономическом развитии, здесь следует отметить, что без должного контроля такие меры могут привести к формированию неэффективных институтов и коррупции [12 ; 13].

Преимущества и недостатки реализации промышленной политики в различных странах *Advantages and Disadvantages of Industrial Policy Implementation in Different Countries*

Реализация промышленной политики	Описание
Преимущества	
Необходимость поддержки критически значимых отраслей	Поддержка отраслей экономики с высокой долей в структуре занятости и ВВП, которые теряют свою конкурентоспособность с целью недопущения скачка безработицы и банкротства предприятий (например, угольная отрасль в России в 1990-х гг.)
Доказанная эффективность	Промышленная политика как инструмент неопротекционизма успешно используется в развитых и активно — в развивающихся странах
Ключевая роль в экономическом рывке	Промышленная политика эффективна при соблюдении ряда условий: поддержке отечественных производителей, ориентации на экспорт, реализации ГЧП, поддержке жесткой конкуренции при полной открытости
Ускорение индустриализации и модернизации экономики	В Японии в рамках политики, проводимой Министерством международной торговли и промышленности (MITI), японское правительство направляло ресурсы на развитие стратегических отраслей, таких как автомобилестроение, электроника и машиностроение. Это позволило стране за короткое время перейти от разрухи войны и стать мировым лидером по качеству и инновациям в промышленности В Южной Корее государственная поддержка включала целенаправленные субсидии, налоговые льготы и кредиты для чеболей и способствовала быстрому росту Samsung, Hyundai и LG
Недостатки	
Снижение эффективности рынка	Искусственное поддержание неконкурентоспособных отраслей, рост неопределенности в бизнес-среде, закрепощение ресурсов в секторах с низкой эффективностью, что в итоге тормозит общий экономический рост
Возможны случаи провала	Японская авиационная промышленность и судостроение
Политика малоэффективна в условиях неразвитых общественных институтов	Низкий уровень квалификации как законодательной, так и исполнительной власти может сделать промышленную политику не только не эффективной, но и разрушительной для экономики
Саморегулируемые провалы рынка	Не все слабости (дефекты) рынка необходимо регулировать посредством государственного вмешательства
Проблема измерения результативности	Невозможность точной и достоверной оценки эффективности результатов государственного вмешательства
Государство как монополист и бенефициар	Использование государственного регулирования для удовлетворения интересов частных лиц

Вмешательство государства не только снижает эффективность функционирования рынка, но и само государство как экономический агент действует далеко не всегда эффективно (неквалифицированные чиновники). Кроме того, при несовершенстве общественных институтов, какое наблюдается и в России, государственное регулирование может быть нацелено на удовлетворение интересов определенных групп людей. И чем менее развиты институты, тем менее эффективна реализация промышленной политики.

Любопытным кейсом, демонстрирующим всю сложность вопроса государственного вмешательства и протекционизма, является экономическая модернизация в Ирландии [14]. Экономический прорыв, который совершила Ирландия за период с 1960-х гг. по настоящее время, можно назвать «ирландским экономическим чудом» по аналогии с подъемом азиатских стран.

К концу XIX в. Ирландия не смогла провести индустриализацию и оставалась преимущественно аграрной, с высокой долей сель-

ского населения. После обретения независимости в 1920-х гг. возникла огромная волна эмиграции, а также произошло усиление государственного вмешательства в экономику. Возросли государственные расходы, экономика встала на путь импортозамещения и самообеспечения: были установлены высокие пошлины и тарифные барьеры, ограничивались иностранные инвестиции и запрещалась покупка бизнеса за счет иностранного капитала. В результате снизилась степень диверсификации экономики, а также произошел дисбаланс бюджета и повысилась безработица. Основным экспортотом Ирландии оставались продукты питания и сельскохозяйственная продукция.

В середине 1960-х гг. в рамках подготовки к вступлению в Евросоюз в Ирландии началась либерализация торговли — были снижены пошлины и налоги, отменены тарифы. Кроме того, была осуществлена оптимизация государственного бюджета за счет кардинального снижения государственных расходов особенно в социальной сфере. Государство предоставило финансовые стимулы и кредитные каникулы для промышленных инвестиций и стимулировало привлечение иностранного капитала. В конечном итоге экономика совершила рывок. К концу XX в. среднедушевой ВВП в Ирландии был выше, чем в Великобритании и Германии.

Кейс Ирландии показывает, что нет универсального подхода к определению степени вмешательства государства в экономику. Протекционизм или фритредерство необходимо рассматривать отдельно, учитывая экономические, социальные и институциональные особенности страны.

Интересен же тот факт, что, несмотря на либерализацию торговли и сокращение государственной поддержки, в ключевых с точки зрения экспорта отраслях в Ирландии в течение всего периода реформ проводилась вполне промышленная политика. Так, например, с 1960-х гг. в Ирландии государством практически с нуля была создана химическая фармакологическая промышленность, и в настоящее время более 33 % экспорта страны составляет фармацевтическая продукция (в целом химическая промышленность составляет порядка 50 % экспорта страны). Кроме того, в Ирландии были созданы крупнейшие фармакологические компании, а также технопарки и особые зоны промышленного развития, осуществлялись инвестиции в промышленность. За счет

средств государственного бюджета был модернизирован и аграрный сектор.

Таким образом, в ходе ирландской модернизации был использован широкий инструментарий методов стимулирования и поддержки экономических отраслей. При этом промышленная политика проводилась и в рамках протекционизма, и во времена свободной торговли.

Отметим, что часто проведение промышленной политики затруднено в силу институциональных ограничений. Так, например, в конце XX — начале XXI в. развивающиеся страны, реализующие программы социально-экономического развития, были вынуждены использовать Вашингтонский консенсус — сценарий макроэкономической политики, усиливающий роль рынка и снижающий государственное вмешательство в экономические процессы, поскольку МВФ и Всемирный банк кредитовали национальные правительства только при условии соблюдения его ключевых пунктов: снижении налоговых ставок, поддержании минимального дефицита бюджета, отмене ограничений для иностранных инвестиций, приватизации государственной собственности.

Поэтому, судя по всему, проведение промышленной политики не было возможно в России в 1990-е гг., когда из-за отсутствия государственной поддержки в промышленности угасали капитало- и интеллектуалоемкие отрасли по типу авиационной промышленности — российское правительство нуждалось в дешевых кредитах, которые могло получить только при условии полной либерализации экономики [15].

Согласно исследованиям, к 1995 г. Вашингтонскому консенсусу следовало около 90 стран — в более 90 % случаев, и в них экономическая ситуация не изменилась либо ухудшилась [16]. В 2010 г. после мирового финансового кризиса Вашингтонский консенсус перестал применяться как неэффективный и использующий упрощенные экономические представления. Основной рекомендацией международных экономических институтов (тех же МФВ и Мирового банка) в первой четверти XXI в. является проектирование реформ с учетом специфики конкретной страны.

С этой точки зрения гораздо более привлекательной видится концепция набирающего популярность так называемого Пекинского консенсуса, который в противовес ультимативно-унифицированной вашингтонской формуле предлагает учет существующих со-

циальных и экономических различий между странами [17]. Основными принципами Пекинского консенсуса являются поэтапный характер реформ, инновационное развитие, экспортный характер экономического роста, капитализм в условиях усиления государственного вмешательства, которые пересекаются с принципами промышленной политики.

Безусловно, в случае России разработка и реализация промышленной политики требуют всестороннего анализа. При этом в качестве рациональной формы реализации промышленной политики видится селективная региональная форма, т. е. поддержка отдельных отраслей (или отдельных предприятий, например, таких как Airbus в Европе [18]) или отдельных регионов.

Анализ актуальности реализации политики протекционизма и промышленной политики в современных странах догоняющего развития даже в условиях глобализации, охватившей почти весь мир, показал и разнообразие форм, которые принимают эти концепции в своей практической реализации. Большинство развитых стран так или иначе реализовывали промышленную политику для достижения долгосрочных целей сохранения/ достижения конкурентоспособности в мировой торговле.

Кроме того, достаточно явно вырисовывается долгосрочный тренд на кластеризацию торговых территориальных союзов вследствие стремления развитых и развивающихся стран поддержать экспортные отрасли и защитить структурно значимую промышленность. Даже вступая в ВТО, такие страны оговаривают условия постепенного снятия экспортно-импортных барьеров для отдельных отраслей, которые необходимо «взрастить» до зрелого уровня, готового для международной конкуренции.

В то же время наличие промышленной политики защиты собственных производств в отдельных странах не отменяет неумолимого хода процессов экономической и торговой глобализации: существующие глобальные производственные цепочки растут, в них встраиваются новые страны и возникают новые глобальные производственные цепочки. Просто интеграция конкретной страны в эти глобальные процессы должна происходить постепенно, на основе национальной промышленной политики, поддерживающей выбранные для экспорта отрасли, которые по мере созревания для глобальной конкуренции эффективно могли функционировать без

национальной защиты. В случае больших стран, таких как Российская Федерация, промышленная политика должна учитывать региональные (местные) особенности, как это показано в статье при подчинении, конечно, локальных интересов общенациональным.

Ключевой стратегией стран-экспортеров является стремление усилить собственные позиции производства, ориентированного на экспорт, таким образом, чтобы оставаться незаменимыми (и неуязвимыми для внешних шоков вроде санкций), с одной стороны, и использовать технологичные производства в качестве драйвера экономического роста — с другой. Так, анализ группы стран Юго-Восточной Азии показал, что принципы свободного рынка, эффективно работающие в торговом пространстве, уступают в эффективности комплексной государственной политике, направленной на поддержку промышленности.

Вводившиеся в последнее десятилетие кратковременные, а также более длительные в продолжительности тарифные и таможенные ограничения на отдельные виды импортируемой и экспортируемой продукции носили политически обусловленный либо фискальный характер. В общем случае такие меры не совпадают с интересами промышленной политики и могут даже конфликтовать с целями последней. В условиях сложных международных отношений и нарастающих глобальных технологических и экологических вызовов для всех стран Россия должна вводить политически или фискально обусловленные таможенные и тарифные ограничения только в тех случаях и той мере, которые не противоречат целям сформулированной внутренней промышленной политики развития высокотехнологичных отраслей, ориентированных на экспорт.

При формировании промышленной политики надо понимать, что залогом ее успешности является то, что диверсификация экономики должна базироваться на создании новых инновационных отраслей с высоким уровнем добавленной стоимости, производимой в основном человеческим капиталом, а не на сохранении ренториентированной экономики, как часто можно услышать от государственных деятелей, и основываясь на государственных документах стратегического характера страны.

Наименее затратными по организационным и материальным ресурсам, а также времени осуществления и одновременно наиболее

результативной по скорости отдачи являются экспортная, дотационная и организационная поддержка глобально или хотя бы регионально конкурентных предприятий в субъектах Российской Федерации, способных экспорттировать высокотехнологичную продукцию. Более затратной по организационным, материальным и финансовым ресурсам является диверсификация внешней торговли (которая последние десятилетия XX в. и в настоящее время даже в условиях санкций основана на экспорте природных ресурсов и продуктов их первичной обработки) на базе производства продукции новых отраслей высокотехнологичной промышленности, конкурентоспособной в мировой торговле и желательно встроенной в мировые производственные цепочки.

Для эффективной реализации промышленной политики необходимо представить следующие рекомендации.

Так, федеральные органы государственной власти через Министерство науки и высшего образования должны выявлять в регионах России научные школы мирового уровня, занятые в исследованиях и производстве технологий 6-го технологического уклада (а также фронтира 5-го уклада) и институализировать их, придавая особый статус (например, «научные школы мирового уровня — драйверы технологического развития России»). Институализированным таким образом научным школам необходимо создать преемственную концентрацию финансирования, которое Министерство науки и высшего образования должно осуществлять целевым образом, не полагаясь на то, что университеты и институты РАН, в которых эти научные школы функционируют, сами создадут такое преемственное финансирование из общего бюджета своих организаций. Полагаться на университеты и институты РАН в этом вопросе не следует, так как последние руководствуются приоритетами своих организаций, а не общегосударственными интересами, что вытекает из теорий управления. Кроме того, сами университеты и институты РАН возглавляются не профессиональными менеджерами, а людьми из числа ученых, а это содержит потенциал расхождения интересов и даже личностного конфликта руководителя научной школы мирового уровня и руководителя вышестоящей организации.

Экономический блок федерального правительства в лице Министерства промышленности и торговли Российской Федерации

должен создать отдельные программы развития новых отраслей вокруг научных школ мирового уровня с организацией экспорта конечной продукции на мировые рынки, а также с организацией закупки необходимого оборудования для всей цепочки технологического трансфера от научных исследований до массового производства новых продуктов и товаров. Внедрением в экономику научных результатов должны заниматься не ученые, как полагают чиновники государственного аппарата (так, в отчетности университетов и институтов РАН существуют показатели, характеризующие «привлечение внебюджетных средств», «число патентов, получивших коммерциализацию»), а государство или частный бизнес, как это имеет место быть в развитых странах, где компании сами заказывают научные разработки университетам. В российских условиях внедрением научных результатов в экономику должно заниматься само государство, так как оно не создало институциональные и экономические условия, мотивирующие частный бизнес развиваться за счет инноваций, а не за счет извлечения рентных доходов из добычи и неглубокой переработки природных ископаемых (создание такой мотивации — это отдельная и огромная задача для государства, намного более масштабная, чем непосредственная работа государства по трансферу научных результатов в промышленное производство инновационных товаров, и обсуждение этой задачи выходит за рамки данной статьи).

Отдельные программы развития новых отраслей вокруг научных школ мирового уровня в регионах Российской Федерации должны стать частью новой российской промышленной политики по отраслевому переустройству всей экономики страны на основе создания новых высокотехнологичных отраслей, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью, извлекаемой главным образом из человеческого капитала [19], а не материальных ресурсов. Для успешности осуществления федеральная промышленная политика должна иметь региональный разрез, сопряженный с двумя факторами: с научными школами мирового уровня, на базе которых формируются новые отрасли экономики; региональными экономическими системами, которые обладают наибольшим потенциалом инновационного развития. В разработке регионального разреза российской промышленной политики целесообразно использовать опыт Финляндии, где осу-

ществили перестройку и модернизацию промышленности, включившую в себя реформирование системы среднего и высшего образования, приглашение специалистов из-за рубежа (в частности, из Германии), особые условия для предпринимателей (обязательства строить обрабатывающие и перерабатывающие предприятия для арендаторов лесных массивов) [20]. Целесообразность использования в регионах России общей схемы финской модели протекционизма, которая привела к созданию электронной промышленности (Nokia) в исходно аграрной стране, определяется тем, что в субъектах Российской Федерации схож менталитет населения, природно-климатические условия, а также сопоставимость размеров Финляндии и размеров субъектов Российской Федерации.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Современные международные экономические отношения характеризуются усилением противоречий между интеграционными процессами и тенденциями к национальной технологической автономии. Растущая глобализация привела к формированию взаимосвязанных производственных цепочек, в которых странам сложно полностью избежать технологической зависимости. В то же время недавние торговые конфликты, санкционные ограничения и технологические барьеры подчеркивают уязвимость национальных экономик, усиливая стремление к самостоятельности в стратегических отраслях.

Кейсы Японии, Южной Кореи и Ирландии подтверждают, что грамотная промышленная политика способна обеспечить странам баланс между интеграцией в глобальные цепочки и поддержанием собственной технологической базы. Например, в Ирландии государственные меры привели к успешному созданию инновационной фармацевтической отрасли, хотя страна одновременно двигалась в сторону либерализации торговли.

При этом существуют риски, связанные с неэффективным использованием протекционистских мер и проведением промышленной политики. В частности, затянувшаяся

государственная поддержка может привести к закрепощению неэффективных производств, снижению конкуренции и потере инновационного потенциала. Кроме того, государства часто сталкиваются с трудностями в точном определении приоритетных направлений развития, что повышает вероятность коррупционных проявлений и неэффективного расходования ресурсов. Оптимальной стратегией представляется селективный подход, при котором государства поддерживают отдельные, наиболее перспективные предприятия и отрасли, способные интегрироваться в глобальные производственные цепочки и конкурировать на международных рынках. В этом контексте важным условием успеха становится институциональная зрелость и способность государства четко формулировать цели и критерии отбора стратегических отраслей.

Для России, как и для других стран с развивающимися и переходными экономиками, важной задачей является разработка промышленной политики, учитывающей региональные особенности и научный потенциал. Эти процессы требуют точечного подхода к инвестициям, а также мер поддержки высокотехнологичных отраслей, ориентированных на экспорт. Можно использовать опыт Финляндии в региональной модернизации как успешный пример интеграции науки и производства, учитывая сходство условий и размеров субъектов Российской Федерации и Финляндии. Необходимо выявлять и институализировать ведущие научные школы в регионах, специализирующиеся на технологиях 5-го и 6-го укладов. Государство должно целенаправленно финансировать такие школы и развивать вокруг них отрасли, организуя технологический трансфер и экспорт.

Таким образом, процессы глобализации и технологической независимости не являются взаимоисключающими. Эффективное проведение промышленной политики и ее интеграция в глобальные цепочки может стать основой устойчивого экономического роста в России.

Список источников

1. Хрусталев Е. Ю., Ларин С. Н., Хрусталев О. Е. Влияние протекционизма на инновационное развитие в кризисных условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 9—1. С. 191—196. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-9-1-191-196
2. Боднарчук Т. Л. Анализ современных тенденций развития протекционизма в контексте траектории предшествующего развития // Вопросы управления. 2014. № 1 (7). С. 57—62.

3. Елсуков М. Ю., Барсболд Б. М. Политика государственного протекционизма в странах с различным уровнем экономического развития // Управленческое консультирование. 2018. № 8 (116). С. 8—19. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-8-8-19
4. Реванши государственной политики протекционизма в современной экономике / И. В. Минакова, Е. И. Масалов, С. Р. Левшакова, Д. А. Щукина // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 2 (65). С. 27—36. DOI: 10.22394/1997-4469-2024-65-2-27-36
5. Гринберг Р. С., Комолов О. О. Политика протекционизма в России: новые тенденции в контексте проблемы импорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 15 (2). С. 44—54.
6. Autor David, David Dorn, Gordon Hanson. When Work Disappears: Manufacturing Decline and the Falling Marriage-Market Value of Men // American Economic Review: Insights. 2019. Vol. 1 (2). P. 161—78.
7. Управление экономикой нефтехимического региона в условиях глобальных вызовов / И. У. Зулькарнай, Г. Р. Ислакаева, Л. Р. Колонских [и др.]. Уфа : УФИЦ, 2024. 320 с. EDN OYAWPP.
8. Кенжебаева М. Т. Основные подходы к определению промышленной политики // Вестник КазНУ. Серия экономическая. 2011. Т. 83, № 1. С. 7—12.
9. Афанасьев А. А. Сущность и структура механизма реализации промышленной политики // Финансовые рынки и банки. 2021. № 11. С. 101—106.
10. Петров М. В. Промышленная политика как направление экономической стратегии государства // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 8. С. 2117—2134. DOI: 10.18334/epp.12.8.116124.
11. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century // SSRN Electronic Journal. 2004. DOI: 10.2139/ssrn.617544.
12. Wade R. Governing The Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization. 2003. 230 p.
13. Chang H.-J. Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective. London : Anthem Press, 2002. 310 p.
14. Орлова М. Е. Опыт экономической модернизации Ирландии // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2010. № 3—4 (58—59). С. 75—86.
15. Глазьев С. Ю. «Вашингтонский консенсус» и научно-технический прогресс в России // Экономическая наука современной России (Приложение). 1998. С. 39—46.
16. Schaefer B., Johnson B. IMF Reform? Setting the Record Straight Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/report/imf-reform-setting-the-record-straight> (дата обращения: 06.05.2025).
17. Присекин А. А. Противостояние «华盛顿ского» и «пекинского» консенсусов как попытка расширения зоны влияния на мировой арене // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 1. С. 273—276.
18. Airbus заявил о необходимости помочь ЕС для создания новых лайнеров. URL: https://www.rbc.ru/business/05/12/2023/656f08b59a79476b5032c05a?utm_source
19. Михайлов В. С., Ислакаева Г. Р. Специфичные для России неформальные институты, тормозящие развитие инновационного предпринимательства // Экономика и управление : науч.-практ. журн. 2025. № 3 (183). С. 63—67. DOI: 10.34773/EU.2025.3.11. EDN LTNLFD.
20. Интенсивное лесопользование в Российской Федерации: институциональные препятствия и необходимые реформы / И. У. Зулькарнай, Г. Р. Ислакаева, Н. С. Ишмухаметов [и др.]. Уфа : Башк. гос. ун-т, 2017. 168 с. EDN YVXZWE.

References

1. Khrustalev E.Yu., Larin S.N., Khrustalev O.E. Vliyaniye protektsionizma na innovatsionnoye razvitiye v krizisnykh usloviyakh [The Influence of Protectionism on Innovative Development in Crisis Conditions], *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2021, no. 9—1, pp. 191—196. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-9-1-191-196
2. Bodnarchuk T.L. Analiz sovremennoykh tendentsiy razvitiya protektsionizma v kontekste trayektorii predshestvuyushchego razvitiya [Analysis of Modern Trends in the Development of Protectionism in the Context of the Trajectory of Previous Development], *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2014, no. 1 (7), pp. 57—62.
3. Yelsukov M.Yu., Barsbold B.M. Politika gosudarstvennogo protektsionizma v stranakh s razlichnym urovnem ekonomicheskogo razvitiya [State Protectionism Policy in Countries with Different Levels of Economic Development], *Upravlencheskoye kon-sultirovaniye* [Management Consulting], 2018, no. 8 (116), pp. 8—19. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-8-8-19
4. Minakova I.V., Masalov E.I., Levshakova S.R., Shchukina D.A. Revansh gosudarstvennoy politiki protektsionizma v sovremennoy ekonomike [The Comeback of State Protectionism Policy in the Modern Economy], *Region: sistemy, ekonomika, upravleniye* [Region: Systems, Economics, Management], 2024, no. 2 (65), pp. 27—36. DOI: 10.22394/1997-4469-2024-65-2-27-36
5. Grinberg R.S., Komolov O.O. Politika protektsionizma v Rossii: novyye tendentsii v kontekste problemy importa [Protectionism Policy in Russia: New Trends in the Context of the Import Problem], *Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecasts], 2022, no. 15 (2), pp. 44—54.

6. Autor David, David Dorn, Gordon Hanson. When Work Disappears: Manufacturing Decline and the Falling Marriage-Market Value of Men, *American Economic Review: In-sights*, 2019, vol. 1 (2), pp. 161–78.
7. Zulkarnay I.U., Islakayeva G.R., Kolonskikh L.R. i dr. *Upravleniye ekonomikoy neftekhimicheskogo regiona v usloviyakh globalnykh vyzovov* [Managing the Economy of a Petrochemical Region Under Global Challenges], Ufa, 2024, 320 p.
8. Kenzhebayeva M.T. Osnovnyye podkhody k opredeleniyu promyshlennoy politiki [Main Approaches to Defining Industrial Policy], *Vestnik KazNU. Seriya ekonomicheskaya* [KazNU Bulletin. Economic Series], 2011, vol. 83, no. 1, pp. 7–12.
9. Afanasyev A.A. Sushchnost i struktura mekhanizma realizatsii promyshlennoy politiki [The Essence and Structure of the Mechanism for Implementing Industrial Policy], *Finansovyye rynki i banki* [Financial Markets and Banks], 2021, no. 11, pp. 101–106.
10. Petrov M.V. Promyshlennaya politika kak napravleniye ekonomiceskoy strategii gosudarstva [Industrial Policy as a Direction of the State's Economic Strategy], *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo* [Economics, Entrepreneurship and Law], 2022, vol. 12, no. 8, pp. 2117–2134. DOI: 10.18334/epp.12.8.116124.
11. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century, *SSRN Electronic Journal*, 2004. DOI: 10.2139/ssrn.617544.
12. Wade R. *Governing The Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*, 2003, 230 p.
13. Chang H.-J. *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. London, 2002, 310 p.
14. Orlova M.E. Opty ekonomiceskoy modernizatsii Irlandii [The Experience of Ireland's Economic Modernization], *Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki "Politiya. Analiz. Khronika Prognoz"* [Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics "Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast"], 2010, no. 3–4 (58–59), pp. 75–86.
15. Glazyev S.Yu. «Vashingtonskiy konsensus» i nauchno-tehnicheskiy progress v Rossii [The "Washington Consensus" and Scientific and Technological Progress in Russia], *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii (Prilozheniye)* [Economic Science of Modern Russia (Supplement)], 1998, pp. 39–46.
16. Schaefer B., Johnson B. *IMF Reform? Setting the Record Straight* Heritage Foundation. Available at: <https://www.heritage.org/report/imf-reform-setting-the-record-straight> (accessed: 06.05.2025).
17. Prisekin A.A. Protivostoyaniye "vashingtonskogo" i "pekinskogo" konsensusov kak popytka rasshireniya zony vliyaniya na mirovoy arene [The Confrontation Between the "Washington" and "Beijing" Consensuses as an Attempt to Expand the Zone of Influence on the World Stage], *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya* [Social and Humanity Knowledge], 2022, no. 1, pp. 273–276.
18. Airbus zayavil o neobkhodimosti pomoshchi YeS dlya sozdaniya novykh laynerov [Airbus Announced the Need for EU Assistance to Create New Airliners]. Available at: https://www.rbc.ru/business/05/12/2023/656f08b59a79476b5032c05a?utm_source
19. Mikhaylov V.S., Islakayeva G.R. Spetsifichnyye dlya Rossii neformalnyye instituty, tormozyashchiye razvitiye innovatsionnogo predprinimatelstva [Informal Institutions Specific to Russia that Hinder the Development of Innovative Entrepreneurship], *Ekonomika i upravleniye* [Economics and Management], nauch.-prakt. zhurn., 2025, no. 3 (183), pp. 63–67. DOI: 10.34773/EU.2025.3.11. EDN LTNLFD.
20. Zulkarnay I.U., Islakayeva G.R., Ishmukhametov N.S. i dr. *Intensivnoye lesopolzovaniye v Rossiyiskoy Federatsii: institutsionalnyye prepyatstviya i neobkhodimyye reform* [Intensive Forest Management in the Russian Federation: Institutional Obstacles and Necessary Reforms], Ufa, Bashk. gos. un-t, 2017, 168 p.

Информация об авторах

Маричев Сергей Геннадьевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории современных проблем региональной экономики, Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Российская Федерация. E-mail: prophet314@gmail.com

Зулькарнай Ильдар Узбекович — доктор экономических наук, заведующий лабораторией современных проблем региональной экономики, Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Российская Федерация. E-mail: zulkar@mail.ru

Information about the authors

Sergey G. Marichev — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Contemporary Problems of Regional Economics, Institute of Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation. E-mail: prophet314@gmail.com

Ildar U. Zulkarnay — Doctor of Economics, Head of the Laboratory of Contemporary Problems of Regional Economics, Institute of Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation. E-mail: zulkar@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 01.10.2025. The article was submitted 30.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 01.10.2025.